

ПОЛИТИКА БЕЗ СТРАХА ЭТО УТОПИЯ

Джон Грей

Джон Грей — политический философ, почетный профессор Европейской Мысли в Лондонской Школе Экономике, Англия; постоянный автор *The Guardian*, *New Statesman*, *The Times Literary Supplement* и других изданий. Автор книг: «Поминки по Просвещению: политика и культура на закате современности» (1995, На рус. — 2003), «Аль-Каида или что значит быть современным» (2003), «Ереси: против прогресса и иных иллюзий» (2005)

Возможно, все хотели бы, чтобы политика перестала базироваться на страхе, но в мире, полном опасностей (и реальных, и вымышленных), политика без страха — это утопия. **Максимум, на что мы можем уповать, это то, что страх не будет сближаться с ненавистью.** Однако и это перспективы далекого будущего.

Массовые страхи могут оказывать серьезное влияние. В качестве примера можно взять внезапный рост экономической ненадежности, вызванной финансовым кризисом, который подстегивает политические потрясения во многих европейских странах. В Ирландии решение о финансовых вливаниях будет зависеть от решения одного-двух независимых парламентариев, в то время как «Шин Фейн»

занято возвращением в политику, что усложняет любое бюджетное урегулирование. В Венгрии и в некоторых других посткоммунистических странах Европы финансовый коллапс породил неуверенные колебания между неолиберальными ограничениями и ксенофобскими нападениями на меньшинства. **Страх управляет европейской политикой все больше и больше, и поскольку нынешние проблемы в пределах существующих европейских структур не решить, то в обозримом будущем ничего не изменится.** Аналогичную схему можно наблюдать в США, где движение «Чаепитие» стало натиivistской реакцией на непреодолимые экономические трудности. Под действием страха движения популистов подрывают и без того слабое правительство — последствия этого непредсказуемы.

При этом политика массового страха влияет на демократические страны не меньше, чем на тоталитарные и авторитарные государства. Политики во всех странах используют страх перед терроризмом, чтобы добиваться своих целей. Это сложная ситуация, поскольку терроризм действительно представляет угрозу: в этом вопросе страх зачастую оправдан, но бывает, что его неоправданно преувеличивают, круглосуточно раздувая через СМИ. Новые страхи возникнут, поскольку инфраструктура современного общества становится все более уязвимой. **Развивающиеся стратегии кибер-войн способны спровоцировать страшные реакции как в демократических, так и в авторитарных государствах. Результатом может оказаться процесс сближения, в котором демократические государства приобретут некоторые черты авторитарных режимов (например, право задерживать граждан без суда).**

Помимо инструментализации страх может стать еще и одним из самых выгодных политических товаров. И это вряд ли изменится.

Политику невозможно отделить от страха. Вопрос в том, насколько разумно им управляют. Страх может быть рациональным, как, например,

страх перед терроризмом. Рациональным страхом можно воспользоваться во имя политической выгоды. Есть еще иррациональные страхи (например, страх перед глобальным потеплением), которые в настоящий момент слишком слабы, чтобы эксплуатироваться в политике. Но, поскольку те же изменения климата становятся все более явными, ситуация изменится. **Вполне вероятно, что государства могут прибегнуть к односторонним проектам геоинжиниринга, при этом обвиняя другие государства в том, что они усугубляют экологические проблемы.** Иррациональные страхи могут привести к тому, что на некоторое время сплоченность в обществе возрастет, но, скорее всего, ценой того, что решать глубинные проблемы станет еще сложнее. В общем, от страха в политике мало пользы, но, по всей видимости, от него никуда не деться.

Если пытаться делать прогнозы, то **электронные пандемии, которые охватывают инфраструктуру индустриальных обществ, вероятно, станут основным источником страха** (возникая спонтанно, как побочный эффект системы, или в результате кибер-войн). Нехватка еды также может стать важным фактором. Рост соперничества за предметы потребления первой необходимости (нефть, полезные ископаемые, пахотные земли, питьевая вода) породит новые войны за ресурсы, и правительства будут использовать страх перед иностранцами, чтобы легитимировать то состояние хронического конфликта, которое появится в результате этого. Если заглянуть еще дальше в будущее, **мы увидим, что через двадцать-тридцать лет потоки беженцев из регионов, пострадавших от изменений климата, станут причиной страхов, что позволит правительствам расширить свои полномочия в вопросах наблюдения и слежки.** Ряд природных катастроф может дать начало росту апокалипсических культов, некоторые из которых могут обратиться к терроризму (как, например, сервайвелистские движения в США или культ Аум в Японии). ■

Специально для РЖ